Иван Годинович (5)

Как во стольнём во городе во Киёве,
Да у ласкова князя да у Владимера
Тут ведь было пиро́ваньё да столо́ваньё,
Ищо было столо́ваньё — почесён пир.
Ищо все ли на пиру́ да напивалисе,
Ище все ли на чесном наедалисе,
Ище все ле на пиру прирасхвастались.
А один-то боґатырь да не пьёт, не ест,
Он не пьёт-то, не ест, сидит — не кушаёт,
Ищо белой лебедушки не рушаёт.
Говорил тут красно солнышко ле да Владимер-князь:
«Ох ты ґой еси, Иван сын да Годиновиц!
Уж ты што же ты сидишь — не пьёшь, не кушаёшь,
А как белой-то лебёдушки не рушаёшь?»
Вот проговорил Иван сын Годинович:
«Ой ты ґой еси, кра́сно солнышко Владимер-князь!
Ище все у нас в городи пожонёны,
А как красные девушки повыданы —
А один-то ле я не жонат живу.
Ты позволь-ко, позволь мне да жонитисе!»
Говорил красно солнышко Владимер-князь:
«Ты жонись-ко, жонись, Иван да сын Годиновиц!
Ты бери-тко во городе Киеви.
А не надо те во городи ле во Киеви —
Ты бери-тко во городи ле в Чернигови!»
Роспроговорил Иван сын ле да Годиновиц:
«Я не возьму во городи во Киеви,
Мне не надо во городи и в Чернигови —
Я возьму-то во городи ле-то во Ляхови
У того же нонь князя ляховиньского
Ищо-то Настасью да Бугригорьевну!» —
«Ох ты ґой еси, Иван сын да Годиновиц,
А [и] той-те невесты не владать будёшь!»
Разгорелось да серцё боґатырьско[ё]!
А он скакал, Иван, да на резвы́ ноги́:

Он одной-то ногóй — на дубовой стол,
А другóй-то ногой — на серёдку пол.
Побежал тут Иван дак на красно крыльцо
Да к тому же нонь родителю:
«Ох ты ґой еси, батюшко родимой мой!
Уж ты дай благословленьицо да жонитисе!» —
«Ты жонись-ко, жонись, Иван да Годиновиць!»
Выходил тут Иван да на красно крыльцё,
От крыльця он пошол да ’конюшой двор.
Он седлал тут коня, да коня доброго,
Он накинул седёлушко черкасьское,
Он подпряг тут двенадцеть подпруг с подпругою,
А накинул ноньце четý железную:
А не для-ради басы — а для крепости,
Из-под ёго штобы конь не вы́пренул.
Он поехал ко князю к ляховинск[ому].
Он приехал ко князю к ляховинскому,
Он заходит во гриднюшки во светлыя.
«Уж ты здравствуй, Иван да сын да Годинович!
Ты приехал да ко мне верой-правдою?» —
«Не служить я приехал — посвататьсэ
А на той же Настасьи Бугригорьёвной!» —
«Ох ты ґой еси, Иван дак сын Годиновиць!
У меня Настасья у меня да просватана
За того же арапа нонь заморьского!»
Розгорелосё у его серце да боґатырскоё,
Он пошол тут, Иван да сын Годиновиц,
А в те же полаты да белокамянны —
Ище где живёт Настасья да Бугригорьёвна.
Он и брал [Настасью] за белы́ руки́,
Выводил он ей на красно крыльцё.
Говорил тут князь да Бугригорьевиц:
«Ты постой-ко, Иван да сын да Годиновиц!
Ты пойдём-ко во гридни мои во светлыя,
Ты поешь-ко, попей ты да покушай-ко!»
Говорил тут Иван да сын да Годинович:
«На приезде нонь гостя не употчёвал —
На поéзде нонь гостя нонь не употчуёшь!»
Как скакал тут Иван да сын да Годинович,

Он скакал тут, Иван, на добра́ коня,
Он повёз тут Настасью да Бугригорьёвну.
Они едут с Настасьей по чисту́ полю́,
А они роскину́ли [шатёр] да белобархатной.
А в то время-то приехал нонь арап да заморьской
Да к тому же ко князю Бугригорьеву.
Не застал он Настасьи да Б[у]григорьевны:
Увёз-то Настасью Иван да сын да Годинович.
Он скакал тут, арап, на добра́ коня́,
Догонил Ивана сына ноньце Годиновица —
А они делали нонь схватку да боґатырскую.
Поборол он арапа, да арапа ноньце чорного,
А забыл он кинжалищо да булатноё.
Говорил тут да Иван да сын да Годиновиц:
«Ох ты ґой еси, Настасья да Бугригорьёвна,
Ты неси-ко мне кинжалищо да булатноё!»
Говорил тут арап да заморьской же:
«Не носи-то, Настасья, ёму кинжалище —
Ище выбрось кинжалищо под ракитов куст,
А т[ы сдёрни] Ивана сына Годиновича!»
Она сдёрнула Ивана да Годиновица,
Привезали они Ивана да к дереву,
А зашли они в шатёр с Настасьей Бугригорьёвной.
Розгорелосе у Ивана да серце боґатырскоё,
Он сорвал тут ремни со белых-то рук,
И забежал тут Иван сын да Годинович,
Заколол тут арапа, да арапа ноньце чорного.
И поехал с Настасьей Бугригорьёвной.
Они приехали к руцью, да руцью́ глубокому.
Говорил тут Иван да сын да Годинович:
«Ох ты ґой еси, Настасья де Бугригорьёвна!
Уж ты слезь, ты слезь с коня доброго,
Ты подай-ко, подай мне напитисе!»
Поднесла она ведь чару ключевой воды.
«А не надо мне от тебя ключева вода:
Ты обнимала арапа да ноньче чорного!»
Он отсек-отрубил у ей праву́ руку́.
«Ты подай-ко, подай из лево́й руки́!»
Поднесла она ведь чару ключевой воды.

«А не надо мне от тебя из левóй руки́:
Ты дёржала арапа да ноньче чорного!»
Отрубил он у ей да нонь левý рукý.
«Закуси ты зубами чару золочёную!»
Поднёсла она чару ключевой воды.
«А не надо мне да ключевá водá:
Чоловала ты арапа да ноньче чорного!»
Он отсек у ей да буйну головý!

(Зап. А. М. Астаховой 4 июля 1928 г.: д. Белощелье Лешуконского р-на — от Семенова Никифора Калиновича, 75 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.